

То не гром, а бой

«Говорю старшине: «Гром гремит, пошлите лучше под дождём мыться, чем в наших условиях». А он отвечает: "Какой дождь, это бой идёт!" Тогда впервые пришло осознание, что вокруг война», - вспоминает специалист по охране труда Центрального отдела охраны Владимир ЗУБОВИЧ. Воин-интернационалист рассказал об Афганской войне, об интернациональном долге, поделился воспоминаниями, которые останутся с ним навсегда.

Владимир Евгеньевич никогда не думал, что окажется в Афганистане. «Кто про это думает в 18 лет?» - вопросом на вопрос отвечает он. В 1981 году его призвали в армию. Тем более первый призыв, в котором он шёл, чаще всего попадал в Германию. Однако уже на призывном участке пошли невесёлые слухи, которые впоследствии стали суровой реальностью. Сначала призывников завезли в «учебку» в Марьину Горку. А через неделю за молодым пополнением прибыли офицеры, южный загар которых не оставлял сомнений о месте прохождения службы.

- Из Минска нас повезли в Узбекистан в город Термез, - рассказывает Владимир Евгеньевич. - Это очень жаркий город, самая южная и жаркая точка. Переночевали в старой крепости, а потом нас подняли и вывезли в поле, где стояли палатки, что-то вроде учебного полка на полигоне. Воду туда привозили на водовозке. Как сейчас помню: она до такой степени была хлорированной, горькой - аж скулы сводило. А пить-то хочется. Кроме того, мы, белорусы, приехали туда в пилотках, которые от палящего солнца совсем не

защищали. Лицо и уши страшно обгорали. Поэтому местных, когда призывали, сразу одевали в панамы.

В поле в Термезе молодые солдаты провели два месяца: стреляли из автоматов, бросали гранаты, рыли окопы, тренировали выносливость.

Здесь же, на полигоне, в торжественной обстановке, насколько возможно её было создать в полевых условиях, принимали присягу. А через два дня на вертолётках молодое пополнение перебросили в Северный Афганистан - город Кундуз.

- Всем известно, какие там были условия. Помню, моюсь под тонкой струйкой воды, а где-то рядом гремит. Гроза! И говорю старшине: «Гром гремит, пошлите лучше под дождём мыться, чем в наших условиях». А он отвечает: «Какая гроза, это бой идёт!» Вот тогда ко мне пришло реальное осознание, что вокруг война, - делится воспоминаниями Владимир Евгеньевич. - До этого как-то особо про неё там никто не говорил, и постоянно было ощущение, что это всё ещё учёба. А следом пришло осознание опасности. Владимира Евгеньевича определили ездить водителем в колонне:

- Если в колонну, которая везла боеприпасы, попадёт снаряд, тебя сотрёт в пыль. Поэтому в таких случаях нас дополнительно сопровождали вертолётки. И при таком сопровождении «духи» особо не лезли. Ну а если просто катушки какие-нибудь везёшь, то на обстрел запросто можно было нарваться. И тут уж как повезёт.

Почти за два года службы в Афганистане воспоминаний скопилось немало. Много таких, о которых говорить не хочется.

- С высоты прожитых лет сейчас на многое смотрю по-другому, -

рассуждает Владимир Евгеньевич. — Думаю, как порой вели себя беспечно! Например, две недели побыли в Кундузе, а потом нас перекинули в город Пули-Хумри. И почему-то запомнился такой эпизод. Отправили нас за песком, чтобы дорожки в части посыпать. Мы выехали за территорию, за КПП. Кидаем в машину песок. Автоматов нет, защиты никакой нет, только у прапорщика пистолет, но что он им сделает, если нападут? Рядом с нами озеро. Жара страшная. Мы разделись и полезли купаться. Страшно даже подумать, что бы было, если б пришли «духи». Плен однозначно. А тогда ещё страшными пытками пугали. Но это сейчас я понимаю, насколько это было опасно, а тогда что... Ребёнком был.

Среди ярких воспоминаний — звук пролетающих снарядов над головой, словно от летучих мышей, после чего страшный грохот. Такие летали, когда ночью напали на часть. Всё смешалось: в кромешной тьме бегали солдаты, хватали автоматы. Владимир Евгеньевич тоже схватил, но рожка не нашёл, кто-то в суматохе прихватил лишней. Потом копали в каменной земле окопы, в которых просидели всю ночь. После этого без сна - на развод и работать.

- Когда рядом гибли люди, меня постоянно преследовала мысль, как в том фильме: а вот действительно, если «грохнут», как мать встретит... Эта мысль просто не укладывалась в голове, что это будет за истерика, крики. Родителей жалко было. Ну и жалел, что до армии серьёзно не встречался с девушкой **(улыбается)**.

Вокруг происходило разное, и нередко было ощущение апатии и безысходности. От всей этой страны, от вида вокруг.

- Какая там вообще природа? Песок - как цемент: наступаешь, а он

разлетается. Ветер задует - дышать нечем, солнца не видно. Из-за жары даже обедать не хотелось. Сверху градусов 60, а повар тебе ещё горячей похлебки наливает. Нас заставляли в дорогу бронжилет одевать. Но это же не наше лето! В камазе дышать нечем. Это при том, что всегда- был риск попасть под обстрел.

Владимир Евгеньевич служил в Афганистане без малого два года. Совсем немного оставалось до демобилизации, когда подхватил желтуху и оказался в госпитале. Оттуда сразу домой.

Воспоминания о войне долго не давали привыкнуть к мирной жизни.

- Как и другие молодые люди, ходил на дискотеки. Стоишь, смотришь, как неслужившая молодёжь громко себя ведёт, строит из себя что-то... И внутри всё закипает: там, далеко, погибают парни, а вы тут!.. С трудом сдерживался. Потом это отступило. Наверное, был тот самый послевоенный синдром.

Освоившись в мирной жизни, Владимир Евгеньевич три с половиной года ходил в море. Вернулся из плавания, отучился, женился, пошёл работать в уголовный розыск. О многих событиях сегодня рассуждает почти философски. Не уверен, что на все вопросы вообще существуют однозначные ответы.

- У каждого человека своё назначение, я так думаю, - завершает рассказ собеседник. — Так и у меня. Можно, конечно, по-другому рассказывать, показывать аккуратные картинки, но всё это было. Это жизнь. Видимо, такое назначение.

Дарья МОЛОЖАВСКАЯ «ГВ»